

ЛАПИЦКАЯ ИРИНА НИКОЛАЕВНА

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

E-mail: bel.rus.mgu @ mail.ru

ШАПОВАЛОВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

E-mail: bel.rus.mgu @ mail.ru

УДК 811.161.1'28+811.161.3'28

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ
В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ
ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»**

Ключевые слова: могилевско-смоленское пограничье; переходные русско-белорусские говоры; региональный словарь; диалектная лексика; семантические диалектизмы; семантическая трансформация; метафорические и метонимические модели.

В статье на примере имен существительных представлено разноаспектное описание семантических диалектизмов говоров могилевско-смоленского пограничного региона, отличительной особенностью которых является органическое сочетание в них русских и белорусских языковых элементов различного характера. Источником языкового материала послужила картотека «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров», а также первый выпуск указанного словаря (Могилев, 2017). Изучение материалов регионального словаря сводно-дифференциального типа требует двойного сопоставления диалектизмов – с русским литературным языком, с одной стороны, и белорусским литературным языком – с другой. Поэтому в статье уточняется состав семантических диалектизмов, включенных в словарь, по их соотносительности с единицами лексико-семантической системы русского и белорусского языков. На основе сопоставления исследуемой лексики со словами русского и белорусского литературных языков устанавливаются основные типы семантических диалектизмов с точки зрения причин и особенностей образования. Выделяется наиболее продуктивный способ семантического преобразования имен существительных – метафорический перенос наименования. Отмечаются регулярные мета-

форические модели, мотивационные основы метафоризации. Приводятся модели метонимических переносов, типичные для диалектных слов МСП. Описываются процессы, сопутствующие механизму семантической трансформации, – сужение, расширение лексических значений, а также дальнейшее развитие семантической структуры диалектизмов – формирование полисемичных номинаций.

«Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) – первый региональный сводный дифференциальный словарь переходных русско-белорусских говоров, в котором представлена лексика могилевско-смоленского пограничного региона. Отличительной особенностью говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) является органическое сочетание в них русских и белорусских языковых элементов различного характера. Изучение и лексикографическая обработка такого языкового материала отличаются своеобразием: лексико-семантическая система говоров могилевско-смоленского пограничного региона описывается в СМСПГ в сопоставлении с лексико-семантическими системами как русского, так и белорусского языка.

Анализ материалов СМСПГ на основе такого двойного сопоставления диалектизмов – с русским литературным языком, с одной стороны, и белорусским литературным языком – с другой, позволяет выявить типологию диалектной лексики МСП, в которой по формально-семантическим показателям выделяются семантические диалектизмы [5, с. 117–125]. Семантические диалектизмы имеют одинаковый фонемный состав с соответствующими лексемами литературного языка (русского и / или белорусского), но отличаются от них в смысловом отношении: *бедняга* ‘сирота’, *месяц* ‘серп’, *батька* ‘хозяин’, *дригва* ‘грязь’, *куцый* (о людях) ‘безрукий’, *вирловокий* ‘косоглазый’, *верещать* ‘веселиться’, *могутнить* ‘выздоровливать’ и др.

Существование указанного двойного противопоставления необходимо учитывать при проведении на материале СМСПГ любых лексикологических исследований, в том числе и при описании семантических различий исходно одних и тех же слов в разных лексических системах – диалектной и литературной (русской и / или белорусской). Поэтому следует уточнить состав семантических диалектизмов, включенных в СМСПГ: 1) семантические диалектизмы, которые совпадают в плане выражения с литературными лексемами как русского, так и белорусского языка, но отличаются от них в плане содержания, например: *кисет* ‘кошелек’ (ср.: русск. *кисет* ‘маленький мешочек для табака’ и бел. *кісет* ‘мяшчочак для тытуню, махоркі’); *пожар* ‘зарезво’ (ср.: русск. *пожар* ‘пламя, широко охватившее и уничтожающее что-н.’ и бел. *пажар* ‘агонь, які ахоплівае і знішчае ўсё, што можа гарэць’) и др.; 2) семантические диалектизмы, которые наряду с формальным

тождеством обнаруживают семантические расхождения только с литературными лексемами русского языка, например: *клюка* ‘кочерга’ (ср.: русск. *клюка* ‘палка с кривым верхним концом для опоры при ходьбе’); *ветошь* ‘нескошенная прошлогодняя трава’ (ср.: русск. *ветошь* ‘ветхие вещи; лоскуты’) и др.; 3) семантические диалектизмы, которые отличаются по значению от соответствующих по форме литературных лексем только белорусского языка, например: *колыханка* ‘качели’ (ср.: бел. *калыханка* ‘песня, якую спяваюць, калышучы дзіця’); *катёлка* ‘подсолнух’ (ср.: бел. *кацёлка* ‘драўляны кружок, круг’) и др.

Изучение диалектных слов данного типа представляет интерес с точки зрения анализа выражаемых ими понятий, источников происхождения, причин и способов изменения семантики и пр. На материале СМСПГ мы провели уже некоторые наблюдения над особенностями образования семантических диалектизмов, характером их семантической трансформации [1, с. 122–125].

Единая историческая и генетическая основа говоров МСП и литературных языков – русского и белорусского – обуславливает существование единых типов семантического словопроизводства.

1. Семантические диалектизмы говоров МСП, возникшие в результате освоения слов, унаследованные от предшествующих периодов языкового развития. Говоры, в силу их известного консерватизма, сохраняют исконные значения, утраченные словами при их функционировании в литературном языке. Так, в материалах СМСПГ выявлены семантические диалектизмы, образовавшиеся вследствие сохранения полисемантичным словом одного из значений, которое утрачено у того же слова в литературном русском и / или белорусском языке. Например, лексема *вар* в древнерусском языке имела пять значений: 1) зной, жара; 2) кипяток; 3) битум; 4) варка, приготовление пищи, напитков; 5) закваска из хмеля [2, с. 17]; старобелорусские источники отмечают и другие значения этой лексемы: а) кипяток; б) суп, вареная жидкая пища; в) подкормка для пчел; г) количество меда, пива, водки, полученное за один раз; д) единица измерения пива. В говорах МСП слово *вар* распространено повсеместно, но везде употребляется в одном значении – ‘жара, зной’: *Вар – ета жыра сильная* (Соино, Хисл. Смл.); *Таки вар стаить, што ня хоцца на вулицу выходить* (Звенчатка, Клим. Мгл.). Ср.: русск. прост. ‘кипяток’ и бел. ‘вада ў стане кіпення або толькі што ўскіпеўшая вада’.

2. Семантические диалектизмы говоров МСП, возникшие вследствие фонетического совпадения со словами русского и / или белорусского литературного языка, которое обусловлено образованием этих слов от общих основ при их различном семантическом развитии в говорах и литературном языке: *свеколь-ник*-□←*свекл-а*: диал. *свекольник* ‘квас из свеклы’ – русск. *свекольник* ‘суп из свеклы’; *сахар-ниц*-а←*сахар-□*: диал. *са-*

харница ‘самогон, приготовленный из сахара’ – русск. *сахарница* ‘посуда для сахара’; творож-*ниц*-а←творог-□: диал. *творожница* ‘ватрушка’– бел. *творожница* ‘пасудзіна для тварага’.

3. Семантические диалектизмы говоров МСП, возникшие на основе переосмысления слов, бытующих в русском и белорусском языках. Причины таких семантических изменений разнообразны. Однако в целом диалектные значения у слов могилевско-смоленского пограничного региона развиваются в результате тех же процессов, что и в литературных русском и белорусском языках.

Наиболее продуктивным способом семантического переосмысления слова и развития его семантической структуры в говорах МСП является *метафорический перенос наименования*. Отметим частотные модели метафоризации на примере имен существительных.

Среди имен существительных чаще всего в основе переноса названия лежит внешнее сходство сопоставляемых предметов: а) сходство их формы, внешнего вида: *ладонь* ‘крытая площадка для молотбы’ (ср.: русск. *ладонь* ‘внутренняя сторона кисти руки’); *прутик* ‘вязальная спица’ (ср.: русск. уменьш. к *прут* ‘тонкая ветка без листьев’); *сетка* ‘паутина’ (ср.: русск. *сетка* ‘изделие из закрепленных на равных промежутках, перекрещивающихся нитей’ и бел. *сетка* ‘прыстасаванне для лоўлі рыбы, птушак і пад. з перакрываюваных нітак’); б) сходство объема, количества сопоставляемых предметов: *ватага* ‘большая семья’ (ср.: русск. разг. *ватага* ‘шумная толпа, сборище’ и бел. разг. *ватага* ‘натоўп, група людзей’); *выводок* ‘дети большой семьи, живущие вместе’ (ср.: русск. *выводок* ‘птицы или детеныши млекопитающих, живущие еще с матерью’ и бел. *вывадак* ‘чародка звяркоў, птушанят, выведзеных адной маткай’); *двойник* ‘рубанок с двумя ручками для совместной работы’ (ср.: русск. *двойник* ‘двойной или сдвоенный предмет’); в) сходство в месторасположении предметов: *вильчик* ‘верхушка стога’ (ср.: бел. *вільчык* ‘верхні стык даху; канёк’); *нёбо* ‘верхняя часть печи’ (ср.: русск. *нёбо* ‘верхняя часть полости рта’); *галстук* ‘светлое пятно на груди животного’ (ср.: русск. *галстук* ‘повязка из широкой ленты, завязываемая узлом или бантом вокруг воротничка’ и бел. *галыштук* ‘прадмет убору ў форме палоскі тканіны, якая завязваецца пад каўняром сарочкі’); *пятка* ‘задняя часть подошвы в лаптях’ (ср.: русск. *пятка* ‘задняя часть ступни’ и бел. *пятка* ‘задняя частка ступні’).

Реже в основу метафорического переноса названия может быть положено: а) сходство цвета, вкуса, консистенции, звучания сопоставляемых предметов: *темень* ‘туча’ (ср.: русск. разг. *темень* ‘темь, темнота’ и бел. *цемень* ‘густая цёмната’); *кислица* ‘дикая яблоня, плод дикой яблони’ (ср.: бел. *кісліца* ‘травяністая расліна сямейства кіслічных з белымі кветкамі, лісце якой змяшчае шчаўевую кіслату’);

похлёбка ‘жидкая пища для скота’ (ср.: русск. *похлёбка* ‘жидкая пища, род супа из картофеля или крупы’); *зык* ‘овод’ (ср.: бел. *зык* ‘рэзкі, звонкі гук, голас’); *зык* ‘овод’ (ср.: бел. *зык* ‘рэзкі, звонкі гук, голас’); б) сходство характера обозначаемых предметов, их действий, поведения, состояния: *светило* ‘подсвечник’ (ср.: русск. *светило* ‘небесное тело, излучающее свет’ и бел. *свяціла* ‘нябеснае цела, якое выпраменьвае святло’); *жыгалка* ‘оса’ (ср.: бел. *Жыгалка* ‘куслівая асення муха’), *скакуха* ‘лягушка’ (ср.: бел. *скакуха* ‘пра таго, хто не сядзіць на месцы, любіць скакаць, бегач’); *лейка* ‘плакса’ (ср.: русск. *лейка* ‘сосуд для поливки в виде ведра с трубой’ и бел. *лейка* ‘пасудзіна для палівання ў выглядзе вядра з упаянай у яго трубкай’); *холодец* ‘холодный погреб, подпол’ (ср. русск. *холодец* ‘кушанье из стужившегося от охлаждения мясного или рыбного навару с кусочками мяса или рыбы’ и бел. *халадзец* ‘страва з загуслага пры ахаладжэнні мясновага або рыбага адвару з дробнымі кавалачкамі мяса або рыбы’); в) сходство назначения, функции обозначаемых предметов: *лежак* ‘печная лежанка’ (ср.: русск. *лежак* ‘деревянная койка на открытом воздухе’); *пута* ‘ремень’ (бел. *пута* ‘вяроўка або ланпут, якім перавязваюць пярднія ногі каню ў час пасьбы’); *подпруга* ‘кожаный пояс’ (ср. русск. *подпруга* ‘широкий ремень седла или седелки, затягиваемый под брюхом лошади’); *скрынка* ‘горшок’ (ср.: бел. *скрынка* ‘прадмет, які складаецца з чатырох сценак і днішча і служыць для захоўвання і пераносу чаго-н.’); *стражник* ‘лесник’ (ср.: русск. *стражник* ‘в царской России: низший полицейский чин в сельской местности’ и бел. *стражнік* ‘да рэвалюцыі – ніжэйшы паліцэйскі чын у сельскай мясцовасці’).

Метафорический перенос может основываться на нескольких мотивационных признаках. Так, например, основанием для семантизации диалектизма *диван* ‘широкая деревянная скамья со спинкой’ выступает внешнее подобие предметов и их функциональное сходство; для диалектизма *окоп* ‘погреб, подвал, подполье’ – сходство местоположения и функции (ср.: русск. *окоп* ‘укрытие для стрельбы в виде рва с насыпью’ и бел. *акоп* ‘земляное ўмацаванне ў выглядзе выкапанага рова з насыпам’).

Более сложные метафорические переносы наименований возникают на основе образных представлений или эмоциональных восприятий. Такие метафоры создают зрительное впечатление об обозначаемом, содержат элементы оценки, различные коннотации, как правило пейоративные: *коржак* ‘малорослый человек’ (ср.: бел. разг. *каржак* ‘каржакаватае дрэва; корч’), *сбитень* ‘крепкий, коренастый человек’ (ср.: бел. разг. *збіцень* ‘пра густую масу, збітую, скалочаную з чаго-н.’); *заваль* ‘о плохом человеке’ (ср.: русск. разг. *заваль* ‘плохой, залежавшийся товар’ и бел. разг. *заваль* ‘няходкія, заляжалыя тавары’); *пустыня* ‘несамостоятельный, легкомысленный человек’ (ср.: русск. *пустыня* ‘большое пространство со

скудной растительностью или вовсе без нее' и бел. *пустыня* 'вялікая, звычайна бязводная прастора з беднай расліннасцю або без расліннасці'); *сябрук* 'сосед' (ср.: бел. разг. *сябрук* 'прыяцель, сябар, таварыш').

Семантические диалектизмы в говорах МСП появляются также в результате разного рода метонимических переносов. Основой метонимии служат пространственные, временные, причинные, следственные и др. ассоциативные связи, которые возникают вследствие сопредельности называемых в литературном языке и говорах предметов, явлений действительности. Чаще всего метонимический перенос названия наблюдается у отглагольных существительных. Наиболее характерными для таких случаев являются следующие метонимические связи: действие – результат действия: *закрутка* 'самодельная папироса, самокрутка' (ср.: бел. *закрутка* 'дзеянне паводле значэння дзеясл. *заручваць – закруціць*'); действие – место действия: *выпуск* 'пастбище, выгон для скота' (ср.: русск. *выпуск* 'действие по глаг. *выпустить*' и бел. *выпуск* 'дзеянне паводле дзеясл. *выпускаць – выпусціць*'); действие – инструмент действия: *закладка* 'дверной засов' (ср.: русск. *закладка* 'действие по глаг. *закладывать*' и бел. *закладка* 'дзеянне паводле дзеясл. *закладваць – закладаць – заклаціць*'); действие – средство действия: *натирка* 'мазь для растирания' (ср.: русск. *натирка* 'действие по глаг. *натирать*').

Среди других разрядов имен существительных отмечаются переносы наименования по следующим метонимическим моделям: материал – изделие из материала: *китайка* 'сарафан' (ср.: бел. *кітайка* 'шаўковая тканіна, якую прывозілі з Кітая'); вместилище – вместимое: *квашня* 'квашеная капуста' (ср.: русск. *квашня* 'деревянная или глиняная посуда для заквашивания теста'); деятель – инструмент: *гадалка* 'ромашка' (ср.: русск. *гадалка* 'женщина, занимающаяся гаданием').

Метонимический перенос путем самоподразумевания, или синекдохи, позволяет называть целое по его части: *мотор* 'бензопила' (ср.: русск. *мотор* 'двигатель' и бел. *матор* 'рухавік'); *стекло* 'очки' (ср.: русск. *стекло* 'прозрачное вещество, получаемое путем плавления кварцевого песка'); *припадок* 'болезнь эпилепсия' (ср.: русск. *припадок* 'внезапное и сильное проявление какой-н. болезни или какого-н. чувства' и бел. *прыпадак* 'раптоўны прыступ якой-н. хваробы'); *печёнка* 'свежина' (ср.: русск. *печёнка* 'печень животного как пища' и бел. *пячонка* 'печань жывёлы як прадукт харчавання'); реже часть именуется по целому: *ограда* 'двор' (ср.: русск. *ограда* 'стена, решетка и т.п., которыми обнесен какой-н. участок земли'); *товар* 'ткань' (ср.: русск. *товар* 'продукт труда, изготовленный для обмена, продажи' и бел. *тавар* 'прадукт працы, выраблены для абмену, продажу').

Семантические переносы, представленные метафорой и метонимией, могут сопровождаться сужением и расширением значений. Приме-

ром сужения лексического значения, сопутствующего семантической трансформации исходного значения, служит лексема *кут*. В говорах МСП данное слово употребляется в двух значениях: 1) 'лучшее место в жилой комнате'; 2) 'лавка в хате'. Очевидно, исходным для обоих значений было древнерусское *кут* 'угол в доме' [3, с. 146]. В данном случае переход от мотивирующего значения к мотивированному развивался в направлении «от общего к частному»: *угол в доме* → *угол под иконами* → *лучшее место в избе* (обычно это место под иконами, куда сажали молодых на свадьбе и дорогих гостей) → *лавка* (куда сажали молодых на свадьбе и дорогих гостей) → *лавка в хате*. Наоборот, диалектное слово может обладать более широким значением, чем соотносительное слово литературного языка. Так, белорусское литературное существительное *лёк* 'селёдочный рассол' в говорах МСП употребляется в значении 'рассол' вообще, а не только селёдочный.

Семантические диалектизмы, созданные одним из регулярных способов семантической трансформации, способны к образованию вторичных переносных значений. При этом в семантической структуре диалектного слова выявляются семантические элементы, которые, обеспечив его семантическое преобразование, в дальнейшем стимулируют развитие семантической структуры диалектизма. Так, семантический элемент 'лишенный покрова', послуживший базой для образования семантического диалектизма *голыш* 'куриное яйцо, снесенное без скорлупы' (ср.: русск. 'голый ребенок, голый человек' и бел. *галыш* 'голае дзіця, голы чалавек'), мотивировал впоследствии развитие у данного слова вторичного значения 'сваренное вкрутую куриное яйцо, очищенное от скорлупы'.

Приведенный лексический материал не отражает всех возможных случаев семантической трансформации диалектных слов. Вместе с тем из уже рассмотренных примеров видно, что семантические расхождения слов генетически родственных говоров МСП и литературных русского и белорусского языков в большинстве случаев не могут стереть общее в их значениях. Это общее и является той базой, на которой постепенно формируются семантические различия.

Литература

1. Лапицкая И.Н. О некоторых способах семантических преобразований диалектных слов (на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров») // Этнолингвистическое и лексикографическое описание говоров могилевско-смоленского пограничья: монография В.Б. Сузанович [и др.]; ред. кол.: В.Б. Сузанович (отв. ред), Л.И. Шаповалова, И.Н. Лапицкая. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. 312 с.
2. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 / отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. 319 с.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8 / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1981. 351 с.

4. Смоленские говоры: коллективная монография / Л.З. Бояринова [и др.]; под ред. Л.З. Бояриновой. Смоленск: Свиток; СмолГУ, 2015. 384 с.
5. Шаповалова Л.И., Лапицкая И.Н. Этноязыковая специфика лексики могилевско-смоленского пограничья (на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров») // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: науч. докл. участников международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 25–26 мая 2018 г.) / под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. Брянск: ООО «Аверс», 2016. С. 114–123.

Lapitskaja Irina Nikolajevna

Mogilev State A. Kuleshov University

E-mail: bel.rus.mgu@mail.ru

Shapovalova Ludmila Ivanovna

Mogilev State A. Kuleshov University

E-mail: bel.rus.mgu@mail.ru

Semantic dialects in the «Dictionary of the Mogilev-Smolensk borderline dialects»

Key words: Mogilev-Smolensk borderline; interdialect Russian-Belarusian dialects; regional dictionary; dialect vocabulary; semantic dialects; semantic transformation; metaphorical and metonymical models.

The article deals with variegated description of semantic dialects of Mogilev-Smolensk borderline region based on nouns, the distinguishing feature of which is the organic combination of Russian and Belarusian language elements of different character. The language source of the given material is the card index of the «Dictionary of the Mogilev-Smolensk borderline dialects» and the first issue of the mentioned dictionary (Mogilev, 2017). Study of regional vocabulary materials of a freely differential type requires a double dialecticisms comparison with the Russian language on the one hand and the Belarusian language on the other hand. For this reason the article defines more precisely the semantic dialecticisms composition included in the Vocabulary due to their correlation with single lexical-semantic system of the Russian and Belarusian languages. On the basis of comparison of the studied vocabulary with words of the Russian and Belarusian literary languages the main types of the semantic dialects are determined in terms of reasons and formation peculiarities. The most productive way of semantic transformation is outlined, that is metaphorical name transfer. The main metaphorical models, reasonable foundations of metaphorization are pointed out. Models of metonymical transfers typical for dialect words are provided. The article describes processes accompanying mechanism for semantic transformation – narrowing, broadening of lexical meanings, and the following development of semantic dialect structures – formation of polysemy nomination.